

После экзаменационных испытаний великий наставник Ли Ба снова явился ко двору, чтобы предстать перед Вашим Величеством. На этот раз Ваше Величество наконец-то не отказал ему и соизволил принять прославленного на весь мир наставника императора.

Вернувшись из дворца, великий наставник Ли Ба уже был весь в слезах. Поддерживаемый под руки, он добрался до дома, и едва Ли Хуань услышал о его возвращении, как велел слугам отнести себя к отцу.

— Отец, — хотя Ли Хуань выглядел полуживым после допроса, дух его был весьма крепок. Он в упор смотрел на великого наставника Ли Ба, и в его глазах читалось жгучее ожидание: — Что сказал Ваше Величество?

При виде сына великий наставник Ли Ба мгновенно вспылал гневом, но, заметив его раны, всё же почувствовал жалость. С холодным выражением лица он бросил:

— Старец беседовал с Вашим Величеством, тебе-то какое до этого дело!

— Ладно, сын больше не спрашивает, — сменил тему Ли Хуань. — Отец, каков был сегодня цвет лица у Вашего Величества?

В тот день Ваше Величество рассердился на него так сильно, что даже губы и мочки ушей покраснели от гнева. Ли Хуань переживал за здоровье Вашего Величества. Ваше Величество ведь не столь крепок, как он, разве можно было не тревожиться?

Великий наставник Ли Ба ответил:

— Разве мог я сметь прямо смотреть на лик императора?

Ли Хуань вздохнул, ощущая, как по всему телу разливается глухая боль. Через силу повернувшись набок, он коснулся пальцами ароматного мешочка на поясе — внутри лежали срезанные пряди волос Вашего Величества. Ему пришлось отступить на шаг и задать другой вопрос:

— Отец, тогда ты по крайней мере должен знать, кашлял ли Ваше Величество, когда разговаривал с тобой сегодня?

— Ни единого раза, — отрезал великий наставник Ли Ба. — Всё, хватит расспросов, ступай обратно в постель.

Ли Хуаня выпроводили в комнату. Лёжа на кровати, он тяжело вздохнул:

— И как отец может быть таким беспечным?

Ваше Величество позволил его отцу войти во дворец, а тот даже не догадался справиться о здоровье императора! И надо же было такому случиться, чтобы столь глупый отец оказался его, Ли Хуаня, кровным родителем.

Ли Хуань беспомощно покачал головой.

Едва проводив заплаканного великого наставника Ли Ба, дворец принял хмурого Хэ-циньюана.

Гу Юаньбай принял его лично. Хэ-циньюан с каменным лицом стоял перед Вашим Величеством, и голос его звучал жестко, словно кремний:

— Дело, которое Ваше Величество поручил подданному, исполнено.

На второй день после начала экзаменов закапал холодный весенний дождь. Как раз в тот момент Хэ-циньюан прибыл во дворец по делам благородной супруги Вань, а Гу Юаньбай, едва взглянув на его саркастичную физиономию, почувствовал раздражение и приказал этому благородному Хэ-циньюану отправить людей варить имбирный отвар, чтобы в течение двух дней подряд разносить его согревающее средство экзаменуемым в Экзаменационном дворе.

Ваше Величество слегка улыбался. Его чарующее, несравненное лицо сияло, подобно безупречному нефриту, и он неторопливо протянул руку, чтобы поднять фарфоровую чашку и сделать глоток чая.

— Поручения Хэ-циньюана всегда внушают Мне уверенность.

Хэ-циньюан не удержался и холодно усмехнулся.

Хэ-циньюан был искусен в военном деле и прекрасно умел командовать войсками. Этот титул циньюана был пожалован ему покойным императором за боевые заслуги. И теперь члена императорской семьи, привычного проливать кровь на полях сражений, заперли в столице ради подобных пустяков. Гу Юаньбай не сомневался, что Хэ-циньюан, должно быть, люто ненавидел его.

Но военная власть — разве могла она оставаться в руках какого-то принца? Тем более что этот малый невзлюбил собственного старшего брата, да к тому же не имел права на престолонаследие ни по старшинству прямой линии, ни по старшинству возраста.

Гу Юаньбай держал белоснежную чайную утварь своими тонкими пальцами — в тот момент было трудно разобрать, что белее, фарфор или его кожа. Хэ-циньюан наблюдал за тем, как тот неспешно попивает чай, и чувствовал себя невероятно паршиво. Когда ему хотелось пить, он хлестал воду огромными глотками, когда был голоден — наедался мясом досыта. И надо же было столичному люду всюду соблюдать эти дурацкие правила, из-за чего Хэ-циньюан чувствовал себя среди них дикарём, пьющим из роскошной чаши как из корыта.

Заметив, что тот молчит, Гу Юаньбай поднял взгляд и невольно хмыкнул, едва сдерживая улыбку:

— Что это за выражение лица у Хэ-циньюана? Если хочешь пить — так и скажи, неужели у Меня не найдется для тебя чашки чая? Тянь Фушэн.

Тянь Фушэн поспешно велел подать стул и принести свежий чай. Хэ-циньюан развязной походкой уселся на стул, сделал глоток, швырнул чашку стоявшей рядом служанке и ядовито бросил:

— Две плошки имбирного чая, пожалованные Вашим Величеством, должно быть, довели тех книгонош до слез умиления. Теперь вся столица только и говорит о том, как добр и милосерден Ваше Величество. Боюсь, прикажи им Ваше Величество сейчас умереть, они бы с радостью бросились на смерть ради справедливости.

Ваше Величество слегка нахмурил брови.

Тянь Фушэн со своим юным учеником стоял в стороне. Ученик, заметив, как нахмурился император, расстроился и тихонько шепнул наставнику:

— Почему Хэ-циньюан вечно говорит то, от чего Вашему Величеству становится тяжело на душе?

На сердце у Тянь Фушэна тоже скребли кошки. Он тяжело фыркнул, но сначала всё же отчитал ученика:

— Смотри глазами, следи за сердцем, разве нам с тобой позволено обсуждать Хэ-циньюана?

По правде говоря, мало кто в этом мире питал к Хэ-циньюану большую неприязнь, чем он, Тянь Фушэн.

Своего императора они были готовы носить на руках, дрожа над каждым дуновением ветра и каждой каплей дождя. Если Ваше Величество желал испить чаю, для этого собирали лишь утреннюю росу и снег с лепестков сливы. Все сановники при дворе, включая великого наставника Ли Ба, только что прибывшего во дворец на аудиенцию, — все они были почтеннейшими мужами, и лишь у Хэ-циньюана нрав был донельзя скверным.

— К чему эти слова? — тон Ваше Величества оставался ровным. — Хэ-циньюан перегибает палку.

Хэ-циньюан криво усмехнулся:

— Если Ваше Величество не верит, давайте прогуляемся вместе и посмотрим сами. Боюсь, к тому моменту, как ученые мужи отправятся по домам, благородный жест Вашего Величества, проявившего заботу о бедных студентах, станет известен на весь белый свет.

Гу Юаньбай бросил взгляд на дверь, и в его глазах мелькнуло любопытство. Тянь Фушэн поспешно шагнул вперед и вполголоса предостерег:

— Ваше Величество, астрологи из Циньтяньцзяня предсказывали на сегодня дождь, покидать дворец не стоит.

Хэ-циньюан презрительно фыркнул: на дворе вовсю светило солнце, похоже, звездочёты из Циньтяньцзяня просто несли чушь с открытыми глазами.

Гу Юаньбай бросил на Хэ-циньюана косой взгляд и решительно поднялся из-за стола:

— Пустяки, последуем словам Хэ-циньюана, выйдем и взглянем своими глазами.

«Чжуаньюаньюлоу».

Гу Юаньбай и Хэ-циньюан поднялись на второй этаж и сели у окна. В таверне яблоку негде было упасть — везде сидели молодые люди в зеленых халатах, и воздух был насквозь пропитан духом учености, от которого Гу Юаньбай чуть не зазевался.

То тут, то там доносились обрывки стихов и од, а окружавшие столики верные телохранители с каменными лицами стояли подобно несокрушимым скалам, хотя и не могли заглушить эти напыщенные книжные голоса.

Младший половой с почтительным видом замер у столика:

— Чего изволят благородные господа?

Гу Юаньбай с улыбкой поинтересовался:

— Что у вас подают?

Половой воодушевился и, чеканя слова будто актер на сцене, выпалил меню. Поразмыслив немного, Гу Юаньбай заказал три блюда, а затем повернулся к Хэ-циньюану:

— Старший брат закажет что-нибудь еще?

Хэ-циньюана от такого обращения аж передернуло, и он с трудом выдавил из себя:

— Принесите два кувшина хорошего вина!

Ученых мужей в «Чжуаньюаньюлоу» собралось больше всего, и, как и предсказывал Хэ-циньюан, похвалы в адрес Вашего Величества лились нескончаемым потоком, особенно из уст тех, кто благополучно выбрался из Экзаменационного двора благодаря имбирному отвару. От услышанного у самого Гу Юаньбай мурашки побежали по коже.

Лицо Хэ-циньюана позеленело, в глазах вспыхнули искры гнева. Имбирный отвар варил он, причем варил по принуждению, словно отбывая наказание. А теперь, слушая эти речи, да еще сидя лицом к лицу с Гу Юаньбаем, он чувствовал себя полным клоуном. Лицо его становилось всё мрачнее, казалось, он готов был прямо сейчас отлупить этих писак до полусмерти.

— Старший брат зазвал меня сюда не затем ли, чтобы я послушал эти разговоры? — уголки губ Гу Юаньбая приподнялись в крайне вредной улыбке. — Раз эти студенты смогли невредимыми выйти из Экзаменационного двора, заслугу старшего брата тоже нельзя умалять.

Хэ-циньюан натянул на лицо улыбку, решив не отвечать.

Гу Юаньбай прыснул от смеха и, больше не в силах сдерживаться, согнулся над оконной рамой, глухо хихикая — лишь из уважения к Хэ-циньюану он не позволил себе расхохотаться в голос. Его черные волосы рассыпались по спине, вздрагивая в такт смеху, а кончики бледных пальцев порозовели от удовольствия.

Лицо Хэ-циньюана то бледнело, то багровело. Уткнувшись взглядом в чашку, он тяжело и злобно фыркнул.

С самого начала их появление в «Чжуаньюаньюлоу» в сопровождении целой толпы стражи привлекло всеобщее внимание — тайком и открыто десятки глаз устремились к их столу. И Гу Юаньбай, и Хэ-циньюан излучали неподдельную роскошь и обладали выдающейся статью. В таком месте, как столица, они запросто могли оказаться какими-нибудь знатными особами, высокопо сановниками или отпрысками влиятельных родов. А теперь вот Гу Юаньбай рассмеялся, да так красиво, что у некоторых молодых белолицых студентов тут же покраснели лица. Подглядывать было стыдно, но отвести глаза они не могли.

Этот господин в синем одеянии сочетал в себе благородство и невозмутимость, а его наряд лишь подчеркивал ослепительное сияние природной красоты.

Однако стоило зевакам заглянуться подольше, как грозные стражи с лицами суровых скал грозно воззрились на них, заставив тут же отвести взгляды. Начальник стражи Чжан Сюй с суровым и мужественным лицом бдительно осматривал все четыре стороны, поклявшись защищать безопасность Вашего Величества ценой собственной жизни.

Гу Юаньбай наконец перестал смеяться, неторопливо выпрямился и, опершись рукой о подоконник, прислонил к ней щеку, чтобы перевести дух. Даже столь короткий смех отнял у него немало сил, грудь его тяжело вздымалась. Гу Юаньбай изо всех сил старался дышать ровнее и глубже, чтобы быстрее прийти в себя.

Хэ-цинъван холодно бросил:

— Вашему благородию лучше было бы не смеяться.

Гу Юаньбай лишь улыбнулся уголками губ, ничуть не смутившись. Пусть сейчас он чувствовал слабость, показывать это посторонним он не собирался. Мужчины дорожат своей гордостью, и если бы Гу Юаньбай из-за немоющего тела стал дрожать над каждым вздохом, жизнь потеряла бы всякий вкус.

— Старший брат может не тревожиться, — произнес Гу Юаньбай. — Моему младшему братцу пока по силам позволить себе немного посмеяться.

Вскоре половой подал угощение. У Гу Юаньбая не было аппетита, и он, попивая чай, повернул голову к окну.

Столица у подножия трона процветала в мире и покое. Нравы в династии Дахэн были свободными, а положение женщин — высоким, поэтому на улицах то и дело попадались группы прогуливающих девушек.

Гу Юаньбай любовался этой умиротворяющей картиной. Прислонившись к стене и зажав в пальцах чайную чашку, он на мгновение погрузился в задумчивость.

Чу Вэй по приглашению товарища направлялся в академию. Проходя мимо «Чжуаньюанью» и заметив, что многие прохожие задирают головы вверх, он тоже бросил взгляд наверх — и тут же нахмурился.

У окна на втором этаже сидел молодой господин в темно-синем халате. Высокая нефритовая шпилька удерживала его черные волосы, а в руке он держал белую фарфоровую чашу. Прекрасный юноша, заставлявший мужчин и женщин сворачивать шеи от восхищения, был не кем иной, как самим правящим императором.

Все люди любят красоту, и даже чисто эстетическое восхищение порой не позволяет отвести глаз. Но Чу Вэй тошнило от тех мужчин и женщин, что пожирали императора взглядом, и от этой толпы поверхностных людишек, для которых существовала лишь внешняя оболочка.

Разве императору не больно от того, что на него так пялятся?

Товарищ тоже проследил за его взглядом и весело протянул:

— Цзыху, судя по всему, твоему титулу главного столичного красавца грозит серьезная опасность.

Чу Вэй холодно бросил:

— Кому нужен этот титул, пусть тот и забирает.

Товарищ расхохотался, увлекая Чу Вэя прямо к подножию «Чжуанъюаньюлоу». Выбрав удобное место, он задрал голову на сидевшего у окна юношу и с восторгом произнес:

— В былые времена Пань Ань бросал фрукты так, что телеги ломились от даров, а из-за красоты Вэй Цзе люди сбегались толпами. Я думал, твоя внешность — предел мужского очарования, но никак не ожидал встретить столь утонченного господина.

Чу Вэй ответил:

— Всего лишь оболочка.

Товарищ улыбнулся:

— Знаю, ты не любишь ни красоту, ни когда на тебя пялятся. Но неужели ты, Чу Цзыху, и впрямь считаешь внешность этого господина пустой оболочкой?

Чу Вэй поднял глаза, и его темные брови взметнулись к вискам. Взглянув на императора, он остался бесстрастен — прямой, холодный, словно снег на вершине горы:

— А разве нет?

Гу Юаньбай, казалось, почувствовал его взгляд. Он отвел глаза от дали, чуть опустил голову — и нос к носу столкнулся с Чу Вэем, стоявшим перед лавкой торговца красными плетеными узлами на противоположной стороне улицы.

Рядом с Чу Вэем крутился какой-то изнеженный литератор. Гу Юаньбай слегка прищурился, невозмутимо вернул взгляд на место и сделал небольшой глоток теплого чая из фарфоровой чашки.

Его пальцы казались прозрачно-белыми. При виде рук императора в памяти Чу Вэя тут же всплыла картина: эти же самые руки в муках сминают ярко-желтые простыни, шторы натягиваются, в мерцающем теплом свете свечей кончики пальцев кажутся обескровленными и бессильными. Опустив ресницы, Чу Вэй сглотнул вставший в горле ком и молча потащил товарища дальше.

Хэ-цинъван заметил, что Гу Юаньбай всё смотрит в окно, и тоже бросил туда взгляд. Увидев, как множество зевак тайком пялятся на них со двора, он с неудовольствием поджал губы:

— Что за сброд смеет пялиться на лик императора?

Даже не питая симпатии к Гу Юаньбай, Хэ-цинъван без колебаний встал бы на защиту императорского величия.

— Незнание не есть грех, — улыбнулся Гу Юаньбай, переводя тему. — Как старшему брату блюда здешней кухни?

Хэ-цинъван вытер рот салфеткой и брезгливо бросил:

— Ничего особенного.

Будь то еда или люди — всё едино. А беседы здешних студентов так и вовсе отличались страшной поверхностностью: разглагольствовать мастера горазды, но стоило копнуть хоть чуть-чуть глубже, как выяснялось, что за душой ни гроша. Ног под собой не чают, а мелят языком о чем попало.

Он ведь хотел задеть Гу Юаньбая, показать ему, каков подлинный уровень расхваливающих его экзаменуемых, а в итоге самому стало тошно.

Гу Юаньбай слушал вполуха разглагольствования ученых мужей, и сказать, что он совсем не разочаровался, было бы неправдой — впрочем, в этом и заключался изъян всей системы имперских экзаменов. Для государя главным минусом отбора было формирование клик и фракций, а вторым — отсутствие гарантий получить действительно полезных для страны людей.

Если общество действительно жаждет развития, во главе угла должна стоять экономика. По сравнению с античным миром других стран, Китай неизменно удерживал превосходство вплоть до промышленной революции в Великобритании, но стоило грянуть ей, как разрыв между сторонами вырос в сотни раз. В конечном счете наука и техника — первая производственная сила, а купцы и ремесленники способны стимулировать естественное развитие экономики. И всё же в эту великую эпоху основой государства оставались крестьяне и зерно.

Появись у них картофель, кукуруза или гибридный рис, можно было бы высвободить рабочие руки низов, гарантировать наполненность амбаров и уже после этого затевать масштабные преобразования.

Гу Юаньбай внезапно поднялся с места. Дворцовые слуги тут же бросились к нему, помогая расправить складки одежды и поправляя нефритовый кулон на поясе.

— Старший брат, — неспешно произвел император, — составь Мне компанию, прогуляемся.

Хэ-цинъван молча встал и последовал в полушаге позади Вашего Величества, выбираясь из «Чжуаньюаньюлоу».

Суэта на улице была упорядоченной, мостовая — чистой и ровной. Хэ-цинъван шагал с таким суровым лицом, что казался страшнее любого из шедших поодаль стражников.

— Куда направляется Ваше Величество?

— Если Меня не изменяет память, у Хэ-циньюана в столице имеется несколько акров плодородных земель и загородная усадьба с горячими источниками для выращивания овощей и фруктов? — проговорил Гу Юаньбай. — Помнится, когда Я конфисковал имущество Лу Фэна, то пожаловал ту усадьбу с ключом именно тебе.

Хэ-циньюан сухо ответил:

— Эта усадьба далеко от города, если Ваше Величество вздумает туда нагрянуть, сегодня это будет некстати.

Охранявшие императора стражники исподлобья зыркнули на принца, мечтая получить приказ преподать этому дерзкому Хэ-циньюану хорошенький урок.

Да кто вообще смеет так разговаривать с Вашим Величеством?!

Гу Юаньбай остался совершенно невозмутимым. Он махнул рукой страже и слугам, и те послушно отступили на два шага назад, оставляя двум самым высокопоставленным особам государства пространство для беседы.

— Хэ-циньюан, — неторопливо начал Гу Юаньбай. — Я даю тебе лицо лишь потому, что ты оказываешь уважение Мне.

Лицо Хэ-циньюана исказилось, но он сдержался, не смея уйти прочь.

— Прежде Я просил тебя о помощи, чтобы вырвать с корнем клан Лу Фэна, — голос императора звучал ровно. — Члены императорской фамилии вынуждены пресмыкаться перед «Сановниками» точно так же. Императорская власть и такие удельные князья, как вы, связаны одной цепью: ослабею Я — ослабеете и вы. Я думал, ты человек умный, а оказалось — глупец. Ты по сей день держишь на Меня обиду за то, что Я упрятал тебя в столице, где тебе изо дня в день остается лишь предаваться праздности. Спрошу тебя: тогда Я дал тебе шанс, и кто же упустил его?

На лбу у Хэ-циньюана вздулись вены, и он сквозь сжатые зубы выдавил сдержанно и яростно:

— Я явился!

— Ты опоздал! — рявкнул Гу Юаньбай. — Я уже прикончил его! Какого черта от твоего прихода?! Пока ты добирался, всё уже остыло!

Хэ-циньюан опешил от такого грозного окрика, и его боевой настрой мгновенно улетучился.

Грудь Гу Юаньбая тяжело и часто вздымалась. Лишь спустя долгое время он успокоился:

— Хэ-циньюан, при жизни покойного императора он оставил Мне одно наставление. Оно

касается и тебя, но ты, должно быть, о нем не знаешь.

Хэ-цинъван затаил дыхание, резко повернувшись и впившись в Гу Юаньбая тяжелым взглядом:

— Что сказал покойный император?

Бледные губы Гу Юаньбая изогнулись в насмешливой улыбке, и он с предельным цинизмом произнес:

— А Я тебе не скажу.

Хэ-цинъван: «.....»

Где-то в вышине глухо гроыхнуло.

Небо мгновенно заволочло тучами, ослепительная вспышка молнии расколола небосвод надвое, сменившись после ослепительного сияния мраком, поднявшим свирепый ветер.

Тянь Фушэн в панике подбежал ближе:

— Ваше Величество, собирается дождь!

Еще до того, как разверзлись хляби небесные, поднялся буйный вихрь. Полы одежд Гу Юаньбая вздулись парусами, волосы растрепало ветром, и пряди упали на лицо, заслоняя обзор. Нахмурившись, Гу Юаньбай смахнул мешающие волосы:

— Чжан Сюй, где поблизости можно укрыться от дождя?

Чжан Сюй тоже тревожно сжал рукоять меча, силой заставляя себя сохранять хладнокровие:

— Ваше Величество, неподалеку находится поместье генерала Сюэ, мы можем переждать непогоду там.

Поместье Сюэ?

Гу Юаньбай на мгновение задумался:

— Веди. Поторопимся, пока не хлынул ливень.

<http://bllate.org/book/26165/3133003>